

**Парадигма О. П. Коршунова.
Статья четвёртая.
О. П. Коршунов
и собирательная документоцентристская
концепция библиографии**

Проанализирована правомерность оценки концепции О. П. Коршунова как именно документоцентристской; представлены онтологическая и гносеологическая характеристики библиографической информации. Раскрыто представление о библиографическом социальном институте и инфраструктуре библиографии, о поисковой, коммуникативной и оценочной сущностных функциях библиографической информации. Сформулирована дефиниция документоцентристской парадигмы библиографии, выстроенная на коммуникационном подходе.

В заключение серии статей, посвящённых вкладу О. П. Коршунова, констатировано наличие научной школы О. П. Коршунова, приведены её отличительные черты. Указано направление движения библиографоведческой мысли к гуманистической постбиблиографии.

Ключевые слова: О. П. Коршунов, библиографоведение, библиографоведческие концепции, постбиблиография, научная библиографическая школа, сущностные функции библиографической информации, коммуникационный подход, библиографический социальный институт.

Сегодня каждый из авторов отстаивает свою библиографоведческую истину, и никто не стремится к *соборности* (единственное исключение – Исаак Григорьевич Моргенштерн). Мы намерены нарушить эту традицию. Продолжая наше исследование документоцентристской парадигмы, будем действовать следующим образом. Примем одну из известных концепций за основу, очистим её от излишних, на наш взгляд, наслоений, дополним конструктивными положениями, разработанными другими теоретиками, и представим в новой, «пересмотренной» редакции. Попытаемся это сделать.

Собирательная документоцентристская концепция. Выбор в богатом библиографоведческом наборе наилучшей концепции, в конечном счёте, – акт субъективный. Но у нас, друзей и учеников *Олега Павловича Коршунова*, нет никаких сомнений: наиболее зрелой и основательной является его документографическая концепция. Почему?

До О. П. Коршунова у нас были история и методика библиографии, но не было ни теории, ни методологии библиографоведения. Теперь они у нас есть. Есть даже учебники по общему библиографоведению. Конечно, труды *Олега Павловича*, по которым все мы изучали библиографическую теорию, имеют исторически обусловленную форму, но в их содержании присутствует редчайшее качество – *мудрость*, которая делает их драгоценными и долговечными.

Мудрость (и скромность, конечно) нашего учителя проявляется в том, что он никогда не претендовал на большее, чем «начала общей теории библиографии», и настойчиво повторял: «Именно начала. Необходимо это ещё раз подчеркнуть. Хотелось бы, чтобы именно в таком качестве её [концепцию] рассматривали и оценивали мои уважаемые критики» [1. С. 195]. Начала нужно не консервировать, а продолжать, выходя за рамки исторической обусловленности.

Главной методологической новацией теории О. П. Коршунова стало широкое использование информационного подхода. Эта новация знаменовала революционный переворот библиографоведческой мысли. Информационный подход быстро завоевал доверие и популярность у теоретиков-библиографоведов конца XX столетия. Практически все они использовали категорию «библиографическая информация» в своих концепциях и исходили из аксиом: библиография существует в системе информационной коммуникации, библиографическая деятельность – разновидность информационной деятельности,

библиографическая потребность – разновидность информационной потребности, библиографическая информация, воплощающая сущность библиографии, – разновидность социальной информации. Однако модус (способ) существования библиографической информации наши теоретики не уточняли, что давало повод для скепсиса [2. С. 13–22].

Библиографическая информация, несомненно, существует, о чём свидетельствуют все современные учебники и учебные пособия по библиографии. Вопрос состоит в том, как существует и в какой реальности?

Документы, как известно, имеют материальный носитель и идеальное, умопостигаемое содержание. Материальные носители и идеальные содержания относятся к разным реальностям. Когда булгаковский Воланд утверждал, что рукописи не горят, он имел в виду не бумагу, а идею, распределённую в сознании людей. Кстати, самому Воланду, как и Бабе Яге, нельзя отказать в определённом *модусе существования*.

К какой реальности относится библиографическая информация: к материальному миру, где обитают осязаемые вещи, или к идеальному (виртуальному, воображаемому), где находятся продукты мышления?

Из наших библиографоведов только Олег Павлович не отмахнулся высокомерно от проблемы модуса существования информации. Тщательно её осмыслив, он пришел к заключению, что библиографическая информация обладает характеристиками двух типов: во-первых, *онтологическими*, обеспечивающими практическую реализацию её общественных функций; во-вторых, *гносеологическими*, позволяющими использовать её в качестве «сущностно-исходной категории теоретического библиографоведения» [1. С. 189]. Таким образом, в концепции О. П. Коршунова библиографическая информация предстала в двух ипостасях: а) компонент библиографической практики в материальном мире – продукт библиографирования и предмет библиографического обслуживания (онтологическая ипостась); б) исходно-сущностная категория в идеальном мире библиографической науки (гносеологическая ипостась).

В качестве первой ипостаси библиографическая информация выступает как обобщающее понятие для всех сообщений, содержащих сведения о каких-либо документах, т.е. несущих библиографическое знание (от отдельной библиографической записи до многотомных библиографических изданий); в качестве второй ипостаси библиографическая информация используется для абстрактно-теоретических построений.

Актуальность последних сомнительна, ибо О. П. Коршунов исчерпал познавательные возможности информационного подхода в теории библиографии, зато онтологическая ипостась позволяет ввести в рассмотрение метасистему, т.е. область реального существования библиографии. О. П. Коршунов давно обнаружил эту метасистему и называл её сначала «информационной коммуникацией», а позже – «системой документальных коммуникаций». Что даёт для теории библиографоведения замена абстрактной «информационной коммуникации» более конкретным понятием «система документальных коммуникаций» (ДОКС)?

Прежде всего, уточняется место библиографии в системе документальных коммуникаций. Библиография в качестве общественного явления представляет собой не обезличенную «систему различных видов деятельности», непосредственно или опосредованно «обеспечивающую функционирование библиографической информации», как первоначально считал Олег Павлович, а реальный *библиографический социальный институт* (БСИ), располагающий специальными учреждениями (службами, организациями) и профессиональными кадрами, которые распределены между участками (подсистемами) института: практика, наука, образование, управление, отраслевая пресса.

Наряду с другими отраслевыми институтами (библиотечный, издательский, книготорговый, научно-информационный, архивный, музейный) библиография входит в систему документальных коммуникаций, образуя в ней вторично-документальный уровень, обслуживающий все отрасли ДОКС и поэтому представляющий собой не что иное, как *инфраструктуру*. Инфраструктурная роль библиографии заключается в удовлетворении потребностей в библиографическом знании книгоиздателей, книготорговцев, библиотекарей, читателей-книголюбов. Без библиографической инфраструктуры невозможно существование книжного дела (книжной торговли, библиотечного дела – прежде всего), как невозможно оно без полиграфической инфраструктуры и инфраструктуры бумажного производства.

На услугах по распространению и хранению библиографических документов специализируется библиографическое обслуживание, а библиографирование есть созидательная духовная деятельность, а не

услуга по предоставлению ранее созданного знания. Следовательно, библиография оказывается особой областью *профессионального духовного производства*, сочетающей творчески-познавательные процессы (библиографирование) и ретрансляцию известного (обслуживание). Особое положение библиографии порождает представления о её двойственности, стимулирует одностороннее акцентирование её научности, академичности и т.п. или практичности, демократичности и пр.

Заметим, кстати, что библиография, являясь инфраструктурой ДОКС, сама не обходится без инфраструктурного обеспечения. И. Г. Моргенштерн показал, что в качестве *инфраструктуры библиографии* выступают: библиографическое образование и просвещение, материально-техническое и экономическое обеспечение библиографической деятельности, библиографоведческая литература и информационно-библиографическое обеспечение библиографии [3]. Таким образом, библиография – не абстрактная вторично-документальная система, а инфраструктурный социальный институт ДОКС, выполняющий общесистемные функции. Какие?

О. П. Коршунов чётко отвечает на этот вопрос, постулируя триаду сущностных функций: поисковая – коммуникативная – оценочная, присущих не библиографическому социальному институту, а библиографической информации. Но ведь библиографическая информация – это фактические данные о документах, созданные библиографами-практиками.

Фактические данные сами по себе никаких функций не выполняют, кроме констатации данного факта. Их можно включить в поисковый, коммуникативный или оценочный контекст, но сделать это должен целесообразно действующий субъект, сотрудник библиографического или иного социального института. Значит, он и выполняет библиографические сущностные функции, а библиографическая информация – всего лишь пассивный инструмент, могущий обрести разное применение.

Триада сущностных функций О. П. Коршунова присуща всем видам библиографической деятельности, но при ближайшем рассмотрении оказывается, что две из трёх функций (коммуникативная и оценочная) являются *межотраслевыми*, свойственными всем институтам ДОКС, и только *поисковая функция* представляет собой специфическую отраслевую библиографическую функцию.

Книгоиздатели и библиотекари, книготорговцы, информационные и музейные работники регулярно осуществляют, каждый в своей отрасли, коммуникативные и оценочные функции при обработке документов и обслуживании потребителей. Только библиографической инфраструктуре присущ поиск в массивах вторичных документов. Отсюда следует, что библиография по существу своему представляет собой *поисковую инфраструктуру* системы документальных коммуникаций, и, следовательно, библиографический поиск, а не триаду библиографической информации, следует считать *критерием отграничения* библиографических явлений от неблиблиографических.

Необходимо иметь в виду два примечания: во-первых, все библиографические явления выполняют, помимо поисковой, коммуникативную и оценочную (ценностно-ориентационную) функции, но последние не являются инфраструктурными; во-вторых, библиографический поиск – комплексный технологический процесс, включающий не только адресный, тематический или фактографический поиск по запросам в массиве библиограмм, но и подготовку поисковых массивов (описание, т.е. идентификация первоисточников, их систематизация и расстановка) и обеспечение сохранности справочно-библиографических фондов.

Резюмируя всё сказанное, получаем собирательную (сводную) дефиницию, соответствующую условиям документоцентристской парадигмы: *библиография – социальный институт системы документальных коммуникаций, представляющий собой поисковую инфраструктуру (вторично-документальную подсистему), обеспечивающую создание, хранение, обработку и распространение библиографического знания (стандартно оформленных фактических данных документов)*. Заметим, что часто звучащая квалификация библиографии как «вторично-документальный уровень документальной коммуникации» или как «всеобщее-вспомогательная дисциплина» отражает её инфраструктурный статус.

В основе собирательной документоцентристской дефиниции лежит не информационный, а *коммуникационный подход* к библиографии, дополненный когнитивным (библиографическое знание) и социологическим (социальный институт) аспектами. Упоминание о культурологическом подходе кажется излишним, потому что социальная коммуникация в целом и её документальная система (письменная,

книжная культура) в частности являются необходимым социально-культурным компонентом человеческого общества.

Немаловажно, что предложенная дефиниция базируется на исходных понятиях концепции О. П. Коршунова и является их уточнённой версией. В ней названа явно одна специфическая сущностная функция, присущая библиографии и хорошо осмысленная Коршуновым, – поисковая (библиография – поисковая инфраструктура); остальные функции коршуновской триады – коммуникативная и оценочная – подразумеваются, потому что они свойственны всем элементам документальной коммуникации.

Отказ от информационного подхода дезавуирует используемое О. П. Коршуновым определение: библиографоведение – «научная дисциплина, изучающая структуру и свойства библиографической информации, закономерности процессов её создания и доведения до потребителей». Согласно этому определению, библиографическая наука не должна заниматься проблемами библиографического образования, управления библиографической отраслью, собственной методологией, потому что эти проблемы слишком далеки от «закономерностей создания библиографической информации и доведения её до потребителей».

Определяя науку, обычно называют предмет её изучения. В случае библиографоведения таким предметом является *библиография*, которая представляет собой социальный институт, включающий практику, науку, образование, управление, отраслевую прессу, а никак не «библиографическую информацию». Возможно, Олег Павлович приближался к этой точке зрения. Было приятно прочитать в одной из его последних статей: «наиболее общим, точным и бесспорным определением библиографоведения оказывается формулировка: библиографоведение – наука о библиографии» [4. С. 24].

Завершая рассмотрение теорий, концепций, закономерностей, образующих содержание современной документоцентристской парадигмы, логично обратиться к вопросу о существовании научных школ в отечественной библиографической науке. Этому вопросу посвящено исследование Татьяны Викторовны Захарчук, результаты которого изложены в монографии, где впервые сделана попытка сформулировать теорию формирования и идентификации научных школ в библиографической науке [5].

Автор отмечает, что в исследованиях научных школ в библиотечно-информационных дисциплинах имеются значительные пробелы, связанные с отсутствием дефиниции понятия *научная школа* и перечня признаков, характеризующих научные школы в указанных дисциплинах вообще и в библиографоведении в частности. На основании анализа научных школ в социальных и гуманитарных науках и собственных методик идентификации научной школы Т. В. Захарчук сформулировала следующее определение: «Под научной школой в библиографоведении следует понимать научно-образовательную многоуровневую научную школу, в основе исследовательской программы которой может лежать как разработка новых идей, так и новых методов, не имеющую формальной локализации. Во главе такой школы стоит, как правило, крупный учёный регионального (национального) уровня» [Там же. С. 156]. Для идентификации научных школ может использоваться «формат описания научной школы как способ её характеристики», предложенный автором [Там же. С. 193–202].

Какие научные школы в области библиографоведения обнаружила Т. В. Захарчук? В своей докторской диссертации [6] она отмечает: научные коллективы, которые можно назвать научными школами, сформировались в библиографоведении лишь в 1970-х гг., т.е. на этапе становления документоцентристской парадигмы.

В качестве полноценной научной школы автор рассматривает школу «отраслевой библиографии – информационного управления», основанную Д. Ю. Тепловым и Л. В. Зильберминц в Ленинградском государственном институте культуры в середине 1970-х гг. и до сих пор продолжающую свою деятельность. Эта школа, судя по известным нам данным, уникальна для отраслевой библиографии.

Что касается общего библиографоведения, то здесь Т. В. Захарчук называет в качестве фактически утвердившейся научную школу О. П. Коршунова (77,5% опрошенных библиографоведов назвали именно её). Рейтинг остальных теорий, представленных в таблице (см. ниже), не превышает 22,6 %, что не позволяет рассматривать их в качестве теоретико-методологической основы научной школы. Следовательно, можно сделать оптимистический вывод, что документоцентристская парадигма отмечена зарождением научных школ, но в настоящее время они немногочисленны (общепризнанными являются всего две школы), что

свидетельствует о слабой консолидации отечественного библиографоведения, а может быть, о потребности в смене парадигмы.

Систематизация неклассических концепций библиографоведения

	Документоцентристская парадигма	Недокументоцентристская парадигма
Описательные теории	Синергетическая концепция Т. А. Новоженовой Лингво-семиотическая концепция Г. Я. Узилевского – И. А. Савиной Документальный подход Е. А. Плешкевича	Литературоцентристская концепция Д. Ю. Теплова Эпистемологическая концепция Л. В. Астаховой
Описательно-объяснительные теории	Документографическая концепция О. П. Коршунова Документографическая концепция И. Г. Моргенштерна	Книговедческая концепция А. И. Барсука Кибернетическая концепция А. А. Гречихина
Прогностические теории		Культурологическая концепция М. Г. Вохрышевой Когнитивно-ноосферная концепция В. А. Фокеева Идеографическая концепция Н. А. Слядневой

Заглянем в будущее. Библиографический социальный институт представляет собой саморазвивающуюся систему, поэтому его правомерно рассматривать с позиции *постнеклассической рациональности*. Характеризуя эту позицию, академик В. С. Стёпин специально подчёркивал: «Идея науки как гуманистически ориентированная обретает в постнеклассическом рационализме новые гуманистические измерения и новую глубину» [7. С. 206].

Это замечание особенно важно для нас, потому что оно указывает вектор перерастания неклассического библиографоведения в постнеклассическую библиографическую теорию. Этим вектором является *гуманизм*. Следовательно, насущные приоритеты дальнейшего развития библиографической науки заключаются в изучении не информатизации, а *гуманизации* БСИ.

Задача этого изучения состоит в поиске путей использования в библиографической практике информационных технологий Интернета для достижения гуманистических целей. Этот вывод указывает направление движения российской библиографоведческой мысли: *от информационно-технологической библиографии к гуманистической постбиблиографии*.

Список источников

1. **Коршунов О. П.** Моя концепция библиографии (документографическая ли она?) // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва, 2006.
2. **Соколов А. В.** Информация: феномен? функция? фикция? // Философские науки. – 1990. – № 9. – С. 13–22.
3. **Моргенштерн И. Г.** Общее библиографоведение : учеб. пособие. – С.-Петербург, 2005. – С. 191–208.

4. **Коршунов О. П.** Современное библиографоведение. Что это такое? // Российское библиографоведение: итоги и перспективы : сб. науч. ст. – Москва, 2006.
5. **Захарчук Т. В.** Научные школы в библиографоведении: проблемы формирования и идентификации : моногр. – С.-Петербург : СПбГУКИ, 2013. – 240 с.
6. **Захарчук Т. В.** Научная школа в библиографоведении: теоретико-методологический подход : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. – СПбГУКИ. – 2013. – 43 с.
7. **Стёпин В. С.** Исторические типы научной рациональности // Стёпин В. С. Цивилизация и культура. – С.-Петербург : СПбГУП, 2011.